

А. В. Варданян

**СООБЩЕНИЕ О СОВЕРШЕННОМ ИЛИ ГОТОВЯЩЕМСЯ
ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПОЛУЧЕННОЕ ИЗ ИНЫХ ИСТОЧНИКОВ,
КАК ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ**

В статье рассматриваются общетеоретические и прикладные вопросы реализации такого повода для возбуждения уголовного дела, как сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Обращается внимание на проблемы, связанные с регламентацией указанного повода, как имеющие исторические предпосылки, так и детерминированные действующей редакцией института возбуждения уголовного дела, излагается авторская позиция о вариантах разрешения затронутых проблем.

Ключевые слова: уголовные дела; преступление; возбуждение уголовного дела; повод; информация; сообщение о преступлении; сообщение, полученное из иных источников; оперативно-розыскная деятельность; обнаружение признаков преступления.

A. V. Vardanyan

**THE STATEMENT ON THE COMMITTED OR PREPARED CRIME
RECEIVED FROM OTHER SOURCES AS A GROUND FOR
INITIATING A CRIMINAL CASE: HISTORICAL
AND CONTEMPORARY PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION**

Abstract: The article discusses theoretical and practical issues of putting into force the ground such as a statement on the committed or prepared crime received from other sources to initiate a criminal case. The author focuses attention on the problems associated with the regulation of the specified reason both as having their historical background and determined by the current version of institution of criminal case initiation. The author's position on options for resolution of the issues involved is set forth.

Keywords: criminal cases; crime; criminal case initiation; ground; information; transmission; statement received from any other sources; operational-search activities; finding evidence of a crime.

Отечественная модель уголовного судопроизводства предусматривает в качестве обязательной стадии уголовного судопроизводства стадию возбуждения уголовного дела, для инициирования которой необходимо наличие хотя бы одного из поводов, предусмотренных ч. 1 ст. 140 УПК РФ, а именно: заявления о преступлении; явки с повинной; сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников; постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопросов об уголовном преследовании.

Однако, представляя перечень поводов для возбуждения уголовного дела, законодатель не счел необходимым формулировать саму по себе дефиницию повода для возбуждения уголовного дела. Стремясь нейтрализовать данный пробел, исследователи предлагают немало интересных и заслуживающих внимания предложений [1]. Не вдаваясь подробно в содержание научной полемики, продолжающейся десятилетиями

в связи с регламентацией стадии возбуждения уголовного дела, поскольку статья носит более прикладной характер, отразим свою позицию. По нашему мнению, под поводом к возбуждению уголовного дела в отечественном уголовном судопроизводстве понимается юридический факт, отражающий информацию о возможных признаках преступления, поступивший в предусмотренных ст. ст. 140–143 УПК РФ процессуальных формах и требующий реагирования в порядке ст. ст. 144–145 УПК РФ.

Законодатель не всегда последователен при регламентации понятий, сущности, содержания указанных поводов для возбуждения уголовного дела, что вызывает многочисленные нарекания в юридической научной литературе и различные проблемные ситуации в следственной практике [2. С. 19; 3. С. 90–106].

Особое место в структуре поводов для возбуждения уголовного дела занимает сообщение о совершенном преступлении, полученном из иных источников. В ст. 143 УПК РФ законодатель оговаривает, что под иными понимаются источники, альтернативные по отношению к заявлению о преступлении (как правило, исходящему от пострадавшего физического или юридического лица либо от очевидца деяния) и явки с повинной. Именно указанный повод для возбуждения уголовного дела зачастую в теории и на практике именуют как «свободный» или «инициативный». В период действия УПК РСФСР 1960 г. данный повод именовался как «непосредственное обнаружение признаков преступления» (соответствующим надлежащим субъектом – органом дознания, следователем, прокурором, судом – с учетом наличия в тот период полномочий на возбуждение уголовного дела у прокурора и суда).

Реализация этого повода зачастую не была свободна от возникновения конфликтных ситуаций, инициированных позицией стороны защиты о незаконности или необоснованности возбуждения уголовного дела, особенно активизировавшихся в постсоветский период, момента более отчетливого разграничения сторон в уголовном процессе [4; 5].

Во многом этому способствовало отсутствие единомыслия в понимании термина «непосредственное обнаружение признаков преступления» в сочетании с достаточно лаконичной законодательной формулировкой (без раскрытия сущности и содержания этого повода). Буквальное значение понятия указывает на личное наблюдение соответствующим должностным лицом тех или иных действий, имеющих признаки преступления, которое предоставляет ему полномочие на надлежащее процессуальное реагирование.

Однако вследствие целого ряда причин личное наблюдение признаков преступления далеко не всегда может трансформироваться в принятие этим лицом решения о возбуждении (или об отказе в возбуждении) уголовного дела.

Во-первых, личное восприятие признаков преступления зачастую сопровождается совершением правонарушителями каких-либо действий в отношении данного должностного лица (например, предложение

незаконного вознаграждения за «мирное урегулирование» ситуации обнаружения признаков преступления, обвинение должностного лица в «провокации преступления», причинение вреда его здоровью или имуществу при попытках скрыться и т.д.). В подобных случаях возникает так называемый логический парадокс, когда непосредственное (личное) обнаружение (как специфическое условие повода к возбуждению уголовного дела) сочетается с фактической невозможностью личного разрешения данным должностным лицом этой ситуации в пределах уголовного судопроизводства, поскольку должностное лицо фактически становится очевидцем события (соответственно, в случае возбуждения уголовного дела оно будет подлежать допросу в качестве свидетеля).

Во-вторых, непосредственное (личное) обнаружение признаков преступления вследствие особенностей организации деятельности правоохранительных органов зачастую происходит сотрудниками, не имеющими по общему правилу полномочий на принятие решения о возбуждении уголовного дела (осуществляющими патрулирование, охрану каких-либо объектов).

В-третьих, к разновидности «непосредственного обнаружения признаков преступления» относятся также ситуации, когда должностное лицо, реагирующее на сообщение о преступлении, не воспринимало лично сами обстоятельства такого события, но анализировало поступившие в его распоряжение результаты оперативно-розыскной деятельности, либо признаки нового преступления были выявлены следователем или дознавателем в процессе осуществления следственных действий в рамках ранее возбужденного уголовного дела и т.д.

Видимо, стремясь разрешить данные противоречия, УПК РФ сформулировал анализируемый повод более нейтрально. Однако такое наименование, как «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении», полученное из иных источников, на наш взгляд, еще более размывает сущность указанного повода, особенно в сочетании с отсутствием четкого определения понятия «заявитель о преступлении». Так, не вызывает спора ситуация, если заявителем является пострадавшее физическое или юридическое лицо (например, организация приобретающая партию продукции, оказавшейся фальсифицированной). Но неоднозначно складывается ситуация, когда сообщение о признаках преступления поступает от структурных подразделений государственных органов, осуществляющих контрольно-надзорные полномочия в пределах своей компетенции. Определенные вопросы в некоторых случаях вызывает и разграничение явки с повинной, и сообщение о преступлении, полученное из иных источников, например, когда задержанное при непосредственном обнаружении признаков преступления лицо желает выразить чистосердечное признание.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. предусматривал наряду с заявлениями о преступлении также и сообщения, поступающие от организаций, предприятий, учреждений и соответствующих должностных лиц, и даже сведения, распространенные в средствах массовой информации.

Ныне подобные источники данных о преступлении в законе прямо не предусмотрены, что позволяет их также отнести к разновидности анализируемого повода.

Таким образом, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (помимо заявления о преступлении и явки с повинной), предусматривает качественно разные механизмы поступления данной информации, а также степень ее достоверности и подтвержденности.

Согласно ст. 143 УПК РФ процессуальной формой фиксации сообщения, полученного из иных источников, выступает рапорт об обнаружении признаков преступления. Характерно, что, раскрывая сущность и порядок реализации других поводов для возбуждения уголовного дела, законодатель следует ранее принятой терминологии в обозначении повода, но при формулировке ст. 143 УПК РФ все же обращается не к наименованию самого повода, а к процессуальной форме его фиксации. При этом не имеет значения кем именно изначально обнаружены признаки преступления: самим сотрудником, составившем рапорт, его коллегами, выполняющими конкретные порученные им оперативно-служебные задачи, иными сотрудниками, осуществляющими какие-либо рейды, патрулирование, охрану, профилактические мероприятия, оперативно-розыскные мероприятия и т.д.

Иными словами, данный повод является своеобразным альтернативным правовым порталом для реализации как результатов оперативно-розыскной деятельности, так и иных направлений служебной деятельности должностных лиц правоохранительных и иных государственных органов [6].

Анализ эмпирических источников о многочисленных категориях преступлений, характеризующихся групповым или организованным характером, высокой латентностью, неочевидным характером совершения [7. С. 79–85; 8. С. 125–128; 9. С. 248–262], свидетельствует о высокой востребованности реализации в порядке ст. 143 УПК РФ такой формы непосредственного обнаружения признаков преступления, как использование результатов оперативно-розыскной деятельности. В этом случае поступившие к следователю материалы отражают результаты проводимых ранее оперативно-розыскных мероприятий зачастую в негласном режиме. В свою очередь осуществлению оперативно-розыскных мероприятий предшествовало возникновение предусмотренных оперативно-розыскным законодательством оснований, которыми в данном случае выступают ставшие известными оперативным подразделениям факты о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступного деяния (ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Например, осуществление оперативно-розыскной деятельности в отношении О. Рассохина, организатора и руководителя преступного сообщества, изготавливающего в кустарных условиях медицинские препараты, имеющие высокую рыночную стоимость, в том числе и

назначаемые при онкологических заболеваниях, позволило не только своевременно и эффективно осуществить его задержание с поличным, но и полностью разоблачить, а также побудить к досудебному сотрудничеству со следствием. Побудительным сигналом о проведении оперативно-розыскной деятельности послужила случайно обнаруженная оперативными сотрудниками упаковка от фармацевтического препарата в одной из частных типографий, клиентами которой выступали члены преступного сообщества, заказывая партии розничных упаковок для фальсификатов. Немедленное реагирование в отношении сотрудников типографии, непосредственно осуществлявших тираж упаковок, в данном случае было тактически нецелесообразно. В интересах выявления и разоблачения всех членов преступного сообщества и эпизодов преступной деятельности, а также задержания с поличным и разоблачения был осуществлен комплекс оперативно-розыскных мероприятий. При задержании преступника с поличным по месту его жительства при нем находились не только оптовые партии кустарно изготовленных лекарственных средств, но и приспособления для их изготовления, фасовки, нанесения сроков годности [10].

Отметим, что стремясь разрешить проблемы, связанные с формулировкой «инициативного» повода для возбуждения уголовного дела, законодатель допустил, на наш взгляд, чрезмерно широкую и не конкретизированную его регламентацию. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (нежели заявление о преступлении или явка с повинной), является поводом синтетической, комплексной природы, интегрирующем в себе различные по форме, содержанию, объему, режиму получения источники информации. Фактически оказались уравнены качественно различные сферы деятельности, что в следственно-судебной практике привело к не всегда верному отграничению этого повода от других поводов для возбуждения уголовного дела и иным взаимосвязанным недочетам, влияющим на соответствие доказательств предъявляемым требованиям (о некоторых из них мы писали ранее [11]). Полагаем, что в этой связи требуется дальнейшая нормотворческая работа по систематизации поводов для возбуждения уголовного дела, учитывающей не только содержание информации о признаках преступления (заявление пострадавшего или очевидца, явка с повинной), но и в определенных случаях – источник поступления информации: оперативные подразделения правоохранительных органов; иные подразделения правоохранительных органов, осуществляющие в пределах своих полномочий деятельность по охране общественного порядка и обеспечению безопасности; должностные лица органов, наделенных различными функциями административной природы (регистрационными, разрешительными, контрольными, надзорными); общественные организации и т.д. Систематизация источников поступления информации важна не как самоцель, а как этап в установлении дифференцированного режима получения и проверки информации, полученной из различных источников,

для предотвращения как неоправданной волокиты, так и преждевременного возбуждения уголовных дел.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ляхов Ю.А. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела. М., 2005.
2. Варданян А.А. Особенности расследования преступлений, связанных с торговлей людьми: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2012.
3. Варданян Г.А. Методика расследования преступлений, связанных с производством и обращением не соответствующих лицензионно-разрешительным требованиям и (или) фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2015. С. 90–106.
4. Айвазова О.В. Некоторые аспекты реализации принципа состязательности сторон // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 1. С. 5–8.
5. Коновалов С.И., Айвазова О.В. Разделение равнозначных процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела в системе принципов уголовного судопроизводства: современные проблемы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 11–16.
6. Айвазова О.В. Концепция института производства неотложных следственных действий в контексте российского уголовно-процессуального закона: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.
7. Грибунов О.П., Пермяков А.Л. Детерминанты высокой латентности мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1-2. С. 79–85.
8. Грибунов О.П., Пермяков А.Л. Российская Федерация как собственник коммерческой организации, которой причиняется имущественный вред в результате хищения // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов междунар. конф. к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. Орел, 2016. С. 125–128.
9. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: монография. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016. 360 с.
10. Материалы уголовного дела № 1-130/14. Шахтинский городской суд Ростовской области. Архив за 2014 г.
11. Варданян А.В., Айвазова О.В. Диспозитивный характер заявлений юридических лиц о преступлениях экономической направленности как повод для возбуждения уголовного дела: дискуссионные вопросы теории и практики // Общество и право. 2017. № 2 (60). С. 179–184.